

Алексей Быстриков

- ▶ Полоцкий государственный университет
- ▶ email: Lesha_bystrikov@mail.ru
- ▶ ORCID: 0000-0001-9102-809X

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE INSTITUTE OF PRIVACY OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

| Abstract

- ▶ *Goal* – study of the legal and social origins of the institution of the statute of limitations for criminal prosecution in foreign and domestic criminal law.
- ▶ *Research methodology* – on the basis of a retrospective analysis, the moment of introducing the statute of limitations to criminal liability was established in the legislation, an attempt was made to identify the social and legal grounds for its introduction.
- ▶ *Score/results* – the reason for the study is the lack of theoretical research in the field of historical analysis of the causes and conditions of the institution of the statute of limitations for criminal liability.
- ▶ *Originality/value* – in the science of criminal law of the Republic of Belarus, there are no theoretical studies regarding the statute of limitations for criminal liability, the regulation of the application of this legal institution is not well developed. No earlier attempts have been made to retrospectively analyze this legal institution.

| Key words: prescription institute, *Laws of 12 tables*, *Ekloga*, *Code of Law of Casimir of 1554*, *Granted letter to the nobles* of Catherine II, class privilege, institution of exemption from criminal liability.

1. Введение

Начиная любое исследование, прежде всего следует обратиться к историческим корням его объекта. Ведь чтобы понять сущность предмета, необходимо уяснить как причины его появления, так и тенденции развития. А это возможно лишь при глубоком ретроспективном анализе.

В историко-правовом экскурсе перед нами стоит следующая задача: определить правовые предпосылки и момент возникновения сроков давности. Рассмотрев основные памятники права, такие как *Законы 12 таблиц*, *Салическая правда*, *Русская правда*, *Жалованная грамота дворянам Екатерины II*, мы попытаемся наиболее точно определить момент возникновения сроков давности, его социальные и правовые основы появления в законодательстве того времени.

Вышеназванный экскурс необходим не только в силу определения природы института давности с точки зрения истории, но и в силу того, что имеющиеся научные изыскания не заходят дальше уголовного уложения 1884 года. Институт давности представляется весьма сложным правовым механизмом, достойным более глубокой исторической ретроспективы.

2. Основная часть

На данный момент исторический процесс становления института давности до конца не исследован, а рассматриваемые аспекты его становления носят весьма ограниченный характер, представляющий собой изыскания в период с конца XIX века по наше время.

Так, видный ученый Юрий Матвеевич Ткачевский в своей монографии об институте давности проводит его ретроспективу, начиная с уголовного уложения 1903 года, тем самым не затрагивая истоков исследуемого предмета. Имеется ввиду прежде всего прообраз существующего института давности, который в некоей зачаточной форме находит свое отражение в памятниках права, начиная с римского права.

Прародителя института давности мы можем наблюдать уже в таком памятнике права Древнего Рима, как *Законы 12 таблиц*. Стоит отметить, что уже на тот момент существовали определенные давностные сроки, хоть они и не носили такого развитого характера с точки зрения диспозиции. Тем не менее юридический смысл данных норм нес в себе ограничительный

характер, связанный с определенным временным отрезком, по прошествии которого наступали обозначенные в законодательстве той эпохи юридические последствия.

Так, в таблице I «О судебном производстве» значит следующее:

7. Если [тяжущиеся стороны] не приходят к соглашению, пусть [они] до полудня сойдутся для тяжбы на форуме или на комициуме. Пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают [свое дело].

8. После полудня [магистрат] утвердит требование той стороны, которая присутствует [при судоговорении].

9. Если [на судоговорении] присутствуют обе стороны, пусть заход солнца будет крайним сроком [судоговорения] [*Khrestomatiya...*, 1953: 21].

Как мы можем видеть, правовой смысл данной нормы заключает в себе механизм, определяющий порядок судебного процесса, при этом в части 8 и 9 назначаются конкретные сроки вынесения решения по делу.

Правовой механизм таблицы III «О займах и правах кредитора», в свою очередь, полностью построен на институте давности, и содержит в себе конкретные сроки исполнения того либо иного положения. Она звучит следующим образом:

1. Пусть будут [даны должнику] 30 льготных дней после признания [им] долга или после постановления [против него] судебного решения...

5. Тем временем, [т.е. пока должник находился в заточении] он имел право помириться [с истцом], но если [стороны не помирились, то [такие должники] оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза подряд в базарные дни приводили к претору на комициум и [при этом] объявлялась присужденная с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за границу, за Тибр.

6. В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им [в вину] [*Khrestomatiya...*, 1953: 22].

Стоит отметить, что сроки, названные в данной таблице, несут в себе правовой механизм, порождающий определенные правовые последствия как для лица преступившего закон, так и для того, кто должен привлечь его к ответственности.

Эта позиция создает четкий контраст между правовым смыслом давностных сроков Древнего Рима и современного института давности. Это

вызвано прежде всего полным изменением правовой сущности института давности, а именно изменением полярности с нормы, порождающей определенные юридические последствия, на норму, отрицающую наличие какой-либо ответственности по истечении определенных сроков.

Причину данных изменений следует искать, прежде всего, в интерпретации правовых начал (принципов, задач, функций и т. д.) как того времени, так и в современном праве.

Ввиду того, что освобождение от ответственности предусматривалось только при примирении сторон, следует констатировать, что *Законы 12 таблиц* были весьма ограниченным институтом с позиции освобождения от уголовной ответственности.

В качестве логического продолжения можно привести также отдельные нормы права Византии – прямого правопреемника Древнего Рима. В частности, рассмотрим такой памятник права, как византийские *Эклоги*. В данном историческом памятнике права также содержатся определенные давностные сроки, касающиеся некоторых правовых норм.

Так, в титуле 1 статьи 3 содержится следующее:

Если же кто-либо обручился с девушкой и равно из неприязни или по какой-либо иной причине откладывает вступление в брак, то до двух лет девушка остается обязанной ожидать его; после этого пусть ее сторона предложит ему вступить в брак. И если он сделает это, то прекрасно. [Если же нет], то потом невеста имеет право выйти замуж за кого она хочет и она сохранит во владении и то, что она получила от обрученного с ней [Ekloga..., 1965: 45].

Из диспозиции данной нормы вытекает двухлетний срок ожидания исполнения обязательства, тем не менее – в отличие от сроков давности в современном понимании – данная норма порождает определенную правовую обязанность по отношению к заинтересованной стороне после прошествия вышеприведенных сроков.

В том числе в титуле 5 пункта 7 говорится о том, что

Всякий наследник по письменному или устному завещанию, оттягивающий и не выполняющий волю завещателя в течение года, если он является сыном или внуком умершего, получает только причитающуюся ему законную долю наследства [Ekloga..., 1965: 54].

Данная норма имеет ту же правовую направленность, что и предыдущая. Ее правовая суть заключается прежде всего в наступлении определенных как имущественных, так и неимущественных последствий в силу

истечения срока давности, прописанного в диспозиции правовой нормы. При этом в обоих случаях речь идет о возникновении правоотношений, а не об их прекращении – как в случае сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Применение сроков давности на то время представлялось невозможным хотя бы в силу того, что наказание, считалось, шло от Бога и по воле его, как и прощение за содеянное. Как это ни парадоксально, но, став на позиции примитивной логики того времени, можно предположить, что такие задачи, как исправление лица или частное и общее предупреждение посредством применения жестких членовредительных мер считались выполняемыми.

Одним из правопреемников Римской империи на северо-западе европейского континента также являлась империя франков. В силу этого представляется обоснованным рассмотрение такого памятника права, как *Салическая правда (Lexsalica)*. Данный памятник права содержит в себе более развитые нормы, касающиеся института давности.

Так, в главе XXXVII «О преследовании по следам», в 1 параграфе, содержится следующее:

если кто потеряет вследствие кражи быка или коня или какое-либо животное и, идя по следам, найдет его в течение 3 суток, а тот, кто ведет его (животное), заявит, что он купил или получил его в обмен, идущий по следам должен через третьих лиц доказывать, что (эти) вещи – его собственность. Если же разыскивающий свои вещи найдет их уже по прошествии 3 суток, а тот, у кого он найдет их, заявит, что купил или получил их в обмен, сам (ответчик) пусть доказывает (на них) свое право [*Salicheskaya pravda*, 1950: 38].

Вышеприведенной нормой устанавливается давностный срок равный трем суткам, по истечении которых истец неправомочен рассчитывать на судебную защиту со стороны государства. Тем не менее за ним остается право на самостоятельное доказывание предмета спора.

В главе XLVII «О розыске», в 1 параграфе, упоминаются определенные давностные сроки. Так, в ней значится следующее:

Если же те, у кого признана вещь, живут по ту сторону Луары или Угольного леса, закон этот должен быть выполнен в течение 80 суток [*Salicheskaya pravda*, 1950: 48].

Данная норма скорее относится к процессуальному праву. Тем не менее с определенной уверенностью представляется возможным говорить о наличии временных сроков, задача которых заключалась в установлении

определенных временных рамок судебного производства. При этом речь не шла об отмене ответственности, а лишь о временных критериях производства.

Из вышеприведенного видно, что институт давности в данном памятнике права носил противоположный правовой смысл от существующих норм, касающихся сроков давности. Так, институт давности носил характер нормы, порождающей ответственность по их прошествии, в отличие от существующих ныне положений, устраняющих возможность какого-либо правоприменения по истечении сроков давности.

Следует отметить, что сроки давности касались также процессуально-го права, а именно сроков, ограничивающих те либо иные действия при осуществлении правоприменения. Тем не менее данные сроки никоим образом не влияли на ответственность лица. Но стоит отметить, что институт давности в его зачаточном проявлении касался скорее гражданских (хозяйственных) правоотношений.

Рассмотрев зарубежные памятники права, имеющие непосредственное влияние на формирующееся отечественное право, мы пришли к следующим заключениям:

- 1) Зарубежные исторические памятники права имели нормы, касающиеся давностных сроков по отношению как к различным правовым обязанностям, так и к процессуальным аспектам того либо иного памятника права. Тем не менее все нормы, касающиеся давности, имели правовой смысл, заключающийся в порождении юридической ответственности.
- 2) Отсутствовали механизмы освобождения от уголовной ответственности, и, как следствие, уголовный закон носил характер возмездия. Это делало недопустимым существование такого института, как сроки давности привлечения к уголовной ответственности, что частично объясняет наличие института давности только в гражданских правоотношениях.

Рассмотрев зарубежные памятники права, следует перейти к рассмотрению памятников права нашей «правовой семьи». В целом представляется возможным говорить об определении прообраза существующего института давности уже в то время. А также о его правовой направленности, в корне отличающейся от существующей на данный момент.

Тем не менее нас интересуют в большей мере наши правовые истоки, а именно наличие давностных сроков в отечественных памятниках права,

их правовой смысл, а также основополагающие начала права, существующие в тот либо иной промежуток времени.

В силу вышесказанного предлагается перейти к рассмотрению отечественной правовой ретроспективы. При этом перед нами стоят такие же задачи, как и при исследовании зарубежного уголовного права.

Обращаясь к отечественным памятникам права, предлагается начать с первоисточника русского права, а именно *Русской правды*.

Начало применения сроков давности, пусть и довольно в простой и неразвитой форме, определяющей сроки тех либо иных юридически значимых действий, имеется уже в *Русской правде*. Так, в пункте 32 значится следующее:

О челяди. Если челядин скроется [у кого-либо], а [об его пропаже] объявят на торгу и в течение трех дней [после этого] не вернут его [прежнему господину], то, опознав его на третий день, он [т. е. прежний господин] [может] взять своего челядина, а тому [т. е. укrywателю] платить 3 гривны штрафа [*Khrestomatya...*, 1861: 62].

Данной нормой определяется срок, после которого, начинает осуществляться поиск беглого крепостного либо любого другого человека из челяди. Как видно из данной нормы, давностный срок в этом случае порождает определенные юридические последствия, а не устраняет их. В *Русской правде* данная норма была единственной имеющей отношение к институту давности.

Следующими актами наших исторических источников права, содержащих в себе охраняемые уголовным законом правоотношения, являются *Статуты Великого княжества Литовского* трех редакций.

Стоит отметить, что уже в первом *Статуте ВКЛ* 1529 года в статье 24 содержится норма, определяющая давностные сроки. В данной норме определяется давностный срок, равный 10 годам, в течение которых лицо должно было вступить в наследование, при этом данный срок мог быть признан, если одно и то же имущество было передано по двум грамотам разным лицам в разное время, и возник спор за данное имущество [*Statut...*, 1855: 25].

В исследуемом памятнике права больше не содержится упоминания давностных сроков, а единственная норма, имеющая правовую природу института давности, является правовым механизмом, определяющим порядок разрешения гражданского имущественного спора.

Все вышеуказанные источники права не имели ссылок на освобождение лица от уголовной ответственности в силу истечения сроков давности. Такой взгляд был естественен для законодателя, поскольку справедливым считалось осуществление правосудия и государством, и лицом, которому совершенным преступлением причинен вред.

В наиболее приближенной к современной интерпретации форме институт давности упоминается впервые в *Жалованной грамоте дворянам* 1785 года императрицы Российской империи Екатерины II. При этом данная норма имела следующую диспозицию: в главе А «О личных преимуществах дворян» пункта 14 «О уничтожении преступлений кои 10 лет оставались без производства» значится следующее:

Всякого рода преступления [благородного], коим десять лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны и по оным производства не было, все таковыя дела повелеваем отныне предать, есть ли где об них взыскатели, истцы или доносители явятся, вечному забвению [*Rossijskoje...*, 1987: 28].

Данную норму возможно отметить как сословную привилегию, исключаящую возможность реализации таких правовых принципов, как неотвратимость ответственности, справедливости и, в большей мере, равенства граждан перед законом. О сословной направленности всего памятника права говорит его преамбула:

Таково есть существенное состояние Российской империи в сем знаменитом столетии, в коем истекает и настоящий 1785 год. И сим образом в истинной славе и величестве империи вкушаем плоды и познаем следствия действия нам подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчивого и сильного российского народа, когда верую к богу, верностию к престолу он управляем, когда труд и любовь к отечеству соединенными силами стремятся преимущественно к общему благу и когда в военном и гражданском деле примером предводителей поощрены подчиненные на деяния, хвалу, честь и славу за собою влекущая. Начальников и предводителей таковых Россия чрез течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощью Божию и пребудет вечно российскому дворянству отличаться качествами, блистающими к начальству. Сие не опровергаемо доказывается самыми успехами, доведшими империю Российскую до края нынешняго ея величества, силы и славы [*Rossijskoe...*, 1987: 2–3].

Данной преамбулой четко обозначается курс данного памятника права, направленный в противоположную сторону от основных правовых начал.

Посредством норм, представленных *Жалованной грамотой*, создавался определенный социальный дисбаланс, строящийся на отрицании принципа справедливости, равенства граждан перед законом и неотвратимости ответственности.

Стоит отметить, что данный институт не развивался в соответствии с принципами и задачами уголовного права, а видоизменял их под себя. Так, мы пришли к уходу от истинного понимания принципа справедливости, в принципе неотвратимости появились правовые основания для ненаступления неотвратимости уголовной ответственности. Гуманизм стал принципом, обеспечивающим сроки давности, фундаментом для его существования ввиду неверного толкования данного принципа.

5. Заключение

Сроки давности привлечения к уголовной ответственности не являются чем-то изначально характерным для уголовного законодательства. Древнейшие и средневековые правовые источники не содержат упоминания о таком правовом институте.

Сроки давности привлечения к уголовной ответственности первоначально носили значение сословной привилегии и, как следствие, на тот момент не могли носить значение правового института в контексте принципов уголовного права.

Отсутствует исторически обоснованная причина введения института сроков давности, а также их историческое правовое обоснование, подкрепленное основополагающими началами уголовного права.

| Литература

- Ekloga. Vizantijskij zakonodatelnyj svod VIII veka*, 1965, Moskva || *Эклога. Византийский законодательный свод VIII века*, 1965, Москва.
- Khrestomatiya po istorii drevnego mira*, 1953, Vol. 3: Rim, ed. V.V. Struve, Moskva || *Хрестоматия по истории древнего мира*, 1953, т. 3: Рим, ред. В.В. Струве, Москва.
- Khrestomatiya po istorii SSSR s drevnejshikh vremen do 1861 goda*, 1987, ed. P.P. Epifanov, O.P. Epifanova, Moskva, 1987 || *Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года*, 1987, сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова, Москва, 1987.

- Rossijskoe zakonodatelstvo X–XX vv.: v 9 t.*, 1987, ed. E.I. Indova, Moskva || *Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т.*, 1987, ред. Е.И. Индова, Москва.
- Salicheskaya pravda*, 1950, [in:] *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina*, Vol. 52, Moskva || *Салическая правда*, 1950, [в:] *Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина*, т. 52, Москва.
- Statut Velikogo knyazstva Litovskogo 1566 goda i popravu statutovye 1578 goda*, 1855, [in:] *Vremennik Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskikh*, Vol. 25, Moskva || *Статут Великого князьства Литовского 1566 года и поправки статутовые 1578 года*, 1855, [в:] *Временник Московского общества истории и древностей российских*, кн. 25, Москва.